

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

Снова получен

**СБОРНИК ПОПУЛЯРНЕЙШИХ
РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН**

Для пения с аккомпаниментом пианино.

Составленный и гармонизированный
Е. Л. ЗВЕРКОВЫМ,
(дирижером Великорусского оркестра)

Цена с пересылкой — \$2.50
Заказы адресуйте:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO
178 Second Avenue New York City

А.П. Чехов и мангусы

«Исидор и Актеры», «Тур-генев и Тигры» — такие статьи писать можно и они пишутся». Вероятно, сам Чехов провидел, когда записывал эту мысль в свою памятную книжку, что на такую именно тему я буду писать о нем.

7 декабря 1890 года Чехов возвратился с Сахалина через Индию в Россию и дал мне из Одессы телеграмму, чтобы я его встретил в Москве. В это время я находился вместе с матерью в г. Алексине Тульской губернии. Так как мы ожидали его к 10, а он приехал на три дня раньше, то пришлось спешить, и мы с матерью решили выехать к нему навстречу в Тулу, так как добраться до Москвы раньше его всё равно не успели бы. Когда мы под'ехали к Туле, то скорый поезд, на котором ехал Чехов, уже прибыл с юга и Антон Павлович обедал на вокзале в обществе мичмана Глинка, возвращавшегося с Дальнего Востока, и какого-то странного с ам-

ду человека, инородца, с плоским лицом и с узенькими, косыми глазками. Это был главный священник острова Сахалина иеромонах Ираклий, бурят, приехавший вместе с Чеховым и Глинкой в Россию и бывший в пугачевском костюме иеромонаха сахалинского покая. Антон Павлович и Глинка привезли с собою из Индии, с острова Цейлона, по компаньонскому зверьку мангуса (*Herpestes griscus*) и когда они обедали, то эти мангусы становились на задние лапки и заглядывали к ним в гарезки. Этот сахалинский иеромонах с плоской, как доска, физиономией и без малейшей растительности на лице и мангусы казались настолько экзотическими, что вокруг обедавших собралась целая толпа и смотрела на них, разинув рты.

— Это индеец? — слышались вопросы.

— А это?.. Обезьяны?

После трогательного свидания с писателем я и мать сели с

ним в один и тот же вагон и все пятеро покатали в Москву. Оказалось, что кроме мангуса Антон Павлович вез с собою в клетке еще и мангуса самку, очень дикое и злобное существо, превратившееся вскоре в пальмовую кошку, так как продавший ее Чехову идус попросту его надул и продал ее тоже за мангуса.

В Москву приехали вечером, на Малую Дмитровку, в дом Фирган и тотчас же спустили мангуса с веревочки, чтобы дать ему отдохнуть с дороги, и отворили дверцу в клетке пальмовой кошки. Она тотчас выскочила из нее и забила глубоко под библиотечный шкаф, из-под которого вылезала потом очень редко, да и то большей частью только по ночам.

Мангус с первых же минут почувствовал себя в Москве, как дома. Он сразу же вообразил себя яхвониним, и было никаких возможностей унять его любопытство. Величиною с кошку, с длинным, толстым, упругим хвостом, он ти и дело становился на задние лапки и совал свою симпатичную, острую мордочку положительно повсюду, в каждую щелочку, в каждое отверстие.

Ничто не ускользало от его внимания. Он выскребывал ко-

тутками грязь из узеньких щелочек в паркете, отдираал обои и смотрел, нет ли там клопов, прыгал на колени и совал нос в стаканы с чаем и в сахарницу, перелистывал книги и залезал в чернильницу ланкой. До всего ему было дело. Раз два или три на моих глазах он вспрыгивал на стол, поднимался на задние лапки и заглядывал сверху в горящую лампу. Как он не обжегся, для меня осталось не постижимым. Когда он оставался в комнате один, то начинал тосковать и кричал, и когда к нему кто-нибудь входил из наших домочадцев то он искренне радовался. У себя на родине, на острове Цейлоне мангус представлял собою домашнее животное, столь же необходимое в быту, как и кошка и собака у европейца. Там он истреблял мышей и змей, очищал жилище от паразитов и жил в редкой дружбе с человеком.

Но у нас в Москве, да еще зимой, в тесной квартире сожительство с мангусом, и в особенности с пальмовой кошкой оказалось в высокой степени неудобным. В своих экскурсиях за мухами, пауками и вообще благодаря своему необыкновенному любопытству, мангус так много рвал одежды, обоев и обуви, а

главное ставил Антона Павловича в такое подчас безвыходное положение перед посещающими его знакомыми, что все мы с нетерпением ожидали лета, когда можно будет выехать на дачу и предоставить мангусу развлечения на даче природы. Когда приходил к Антону Павловичу кто-нибудь из гостей и оставлял в прихожей на окошке шляпу или перчатки, то можно было быть уверенным, что мангус найдет способ туда проникнуть, вывернуть перчатки наизнанку и разорвать их и сделать кое-что неприличное в цилиндре.

В первую же весну, выехав на дачу в Богимово Калужской губернии, мы взяли туда с собою и мангуса. Там он вскоре же убежал. Было жалко зверька и именно жалко потому, что его завезли так далеко от родины только для того, чтобы он погиб где-нибудь в лесу от непривычной обстановки.

Но ничуть не бывало. Он нашелся через восемнадцать дней в камышовой и при этом был такой толстый, что при первом же взгляде на него можно было с грустью вспомнить лягушек и птиц, которых он за свое отсутствие съел.

Как-то в июле он дал нам представление: мы сидели боль-

шой компанией в парке, в одной из липовых аллей, когда вдруг выползла длинная, с метр величиною змея. Дети художника А.А. Киселева испугались и повскакивали с мест. Да и нам, взрослым, было неприятно.

— Мангуса сюда! Скорее! — крикнул Антон Павлович.

Я сбегал за зверьком и спустил его на землю. Едва только он увидел змею, как превратился буквально в круглый шар и остановился недвижимо. С своей стороны и змея, почуввав невиданного заклятого врага, свернулась клубочком и подняла голову. Произошла долгая немая сцена взаимного гипноза. Затем мангус вдруг точно очнулся от него, бросился на змею, схватил ее за голову, разгрыз и потащил с собою в траву.

Что касается пальмовой кошки, то она так и не привыкла к человеку. Всё время она пряталась, уединялась, когда приходили к нам полотеры и, разувшись, начинали натирать полы, то она вдруг неожиданно выскакивала из под шкафа и вцеплялась полотеру в мизинец. Тот ронял щетку и воск хватался за ногу, громко визгивал и восклицал:

— А что ты слыхла, проклятая!

Квартира на Малой Дмитров-

ке была очень тесна, и когда приезжал к Антону Павловичу чтобы повидаться с ним и с его родителями, то поневоле приходилось иной раз устраиваться на ночь на полу. И когда, бывало, нечаянно дрыгнешь во сне ногой под одеялом, то вдруг тебе в ногу впирается острыми зубами какой-то нечистый дух: это ночью выползала из-под шкафа пальмовая кошка, забираясь, чтобы погреться, ко мне под одеяло и в испуге от дрыганья ногой больно, до крови, кусалась. Под конец жизнь с мангусом стала прямо невозможной. Антон Павлович добродушно соглался, но видно было, что и ему самому они надели. Возвратившись осенью из Богимова, еще кое-как потерпели до зимы, а потом Антон Павлович написал письмо в московский зоологический сад с просьбой принять от него этих зверей в дар. Был тогда скучный мороз, приехал какой-то молодой человек в золотых очках, забрал их, — и с той поры мангус и его спутница сделались украшением Зоологического сада. Но как бы то ни было, в мангусе успел завоевать наши симпатии, нам было жалко расставаться с ним, и сестра Мария Павловна не раз его там вспоминала.

Мих. Чехов